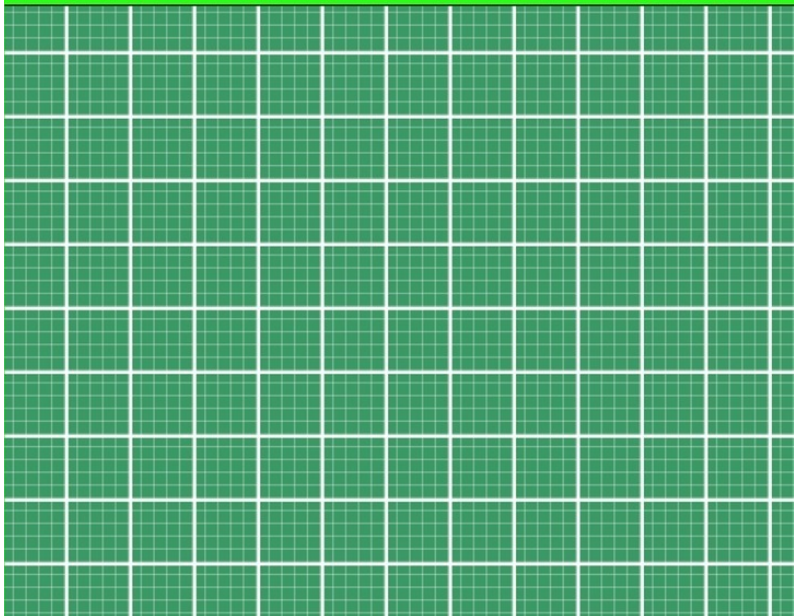

Роман Воликов

*Дикий
монастырь*

Роман Воликов

Дикий монастырь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21995498

ISBN 9785448336706

Аннотация

Шум ливня воскрешает по углам салют мимозы, гаснущей в пыли. И вечер делит сутки пополам, как ножницы восьмерку на нули – а в талии сужает циферблат, с гитарой его сходство озарив. У задержавшей на гитаре взгляд пучок волос напоминает гриф.

Содержание

Дикий монастырь

5

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Дикий монастырь

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2016

ISBN 978-5-4483-3670-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дикий монастырь

Надо развести костёр, согреть воды. Шершавые здесь камни, скользишь по ним пальцами, словно книжку читаешь. Сыро по ночам, а что зимой будет. Он устало поднялся с земли и принялся изучать содержимое мешка. Второй мешок он бросил на полпути, тяжело с непривычки в горку карабкаться. Съестного в том мешке нет, зверьё не заинтересуется. Завтра схожу, заберу.

Он потрогал ладонью лоб. Градусник тоже в том мешке. Температура, похоже, есть, но невысокая. Тебе болеть нельзя, сказал он громко скалам, нависающим над ним. Раз собрался жить, живи.

Стемнело резко, как всегда на юге. Костерок горел, отбрасывая неясные тени на лазы в скалах. В обители ему сказали, что это караимские схроны, иудеи прятались в здешних местах от турок. Он провёл ладонью по шершавому камню, когда это было, триста лет назад? Нет, больше. Ночевать он решил в ванне для давки винограда, выдолбленной с края платформы, днём набросал туда сухой травы и кинул сверху спальный мешок. Для первой ночевки сойдёт. Схрон-келья подходил больше, но чтобы забраться, требовалась лестница, досок, смастерить лестницу, у него не было, и сил после сегодняшнего подъёма по узкой тропке.

Лёжа в спальном мешке, он подумал, что надо прочесть

вечернюю молитву. Кому надо? Ему? Твоя молитва это сон, подумал он, проваливаясь в тишину, слишком много дел до зимы, чтобы бездарно тратить время.

Его разбудила ящерка. Ящерка неподвижно сидела на спальном мешке и рассматривала его лиловыми глазами. «Привет! – сказал он. – Соседями будем». Ящерка сбросила хвост и засемила вверх по отполированной стене ванны.

Настоятель Успенской обители, провожая в путь, предлагал помощь:

– Журавли на днях за море полетели, холода ранние настанут. Не переживай без домика. Давай я рабочих найму, за неделю хибарку какую-никакую сколотят.

– Не надо, – сказал он. – Сам справлюсь.

– Я тебе официальную бумагу подготовил, – сказал архимандрит. – На тот случай, если милиция побеспокоит. Тёмные времена, с этим спором из-за экзархата¹. Не бог вещь что, но печать гербовая стоит.

Он развернул лист бумаги и прочёл: «Податель сего документа, Агафонов Михаил Сергеевич, в монашестве схимник Никанор, уполномочен обустроить скит Свято-Успенского монастыря Русской Православной Церкви».

– До весны доживём, – сказал настоятель. – Алтарь освятим. Раз в неделю послушника буду присылать, со съестным,

¹ Начавшийся в 1992 году конфликт между Русской Православной Церковью (РПЦ) и Украинской Православной Церковью (УПЦ) из-за автономии (экзархата) последней.

ну и, вообще, проведать, как ты там.

Он выбрался из спального мешка и принялся изучать платформу. Неширокой, метров семь, полосой, она огибала скалу, всю в зрачках караимских лазов. Он прошёл её до конца и остановился на узком уступе, торчащим над каньоном.

«Метров шестьдесят, – подумал он. – Для жизни просторно и не для меня одного. Алтарь установлю в одной из пещер, сколочу лестницу, изучу все по очереди». Из скалы стекал жиденький ручей в неглубокий бассейн, тоже выдолбленный в караимские времена.

«Точно скалы здесь как живые, – он умылся прохладной водой. – Из камня влага течёт».

Путь вниз оказался веселее. Солнце светило ярко и жарко. «Не так уж и высоко, – подумал он. – Не больше двух километров».

Под кизилowym деревом лежал брошенный вчера мешок. «Лавочку здесь поставлю, – пообещал он себе и будущим путникам. – Пойду в село, посмотрю на людей».

Татарское село раскинулось у подножия скалы, радостно сверкая красными крышами. За чередой холмов виднелись развалины византийской крепости. Узкая тропа вывела к проселочной дороге, у начала дороги имелась стоянка для машин и небольшая корчма. Прямо возле дороги невысокий коренастый человек топором рубил на пне баранину.

– Бог в помощь! – поздоровался он.

Человек воткнул топор в землю и тоже поздоровался.

– У вас можно купить доски и гвозди? – спросил он. – Я заплачу.

Человек внимательно посмотрел на него:

– К вам как обращаться?

– Схимник Никанор, – сказал он.

– Рахим, – сказал человек. – Вы наш батюшка?

– Нет. В иеромонахи не рукоположен. Я инок Свято-Успенского пещерного монастыря. Скит на скале основал. Домик надо построить для зимы.

– У нас татары в основном живут, – сказал Рахим. – Русские тоже есть, несколько семей. Но они, по-моему, атеисты.

– Ничего страшного, – сказал он. – Приходить в скит любой может, если захочет. А вы верующий?

– Я советский человек, – сказал Рахим. – Не верю ни в бога, ни в чёрта. Всю жизнь в военной авиации. На пенсию вышел, здесь обосновался. Корчму открыл, кормлю туристов, которые к крепости приезжают.

– Ясно, – сказал он. – Так как насчёт материала?

– Продам, – сказал Рахим. – Вам двух кубов хватит?

– Наверное. У меня строительного опыта нет. Но должно хватить.

– А вы как доски наверх потащите?

– На себе, – сказал он. – Как ещё. За несколько недель перетаскаю...

Плохо они жили с женой, это он понял окончательно, только когда в больницу загремел. И сошлись вроде

не детьми, ему было тридцать пять, ей тридцать один, она уже отметилась в замужестве, растила мальчишку, балованного и нервного. Как-то сошлись, не думая о последствиях, она – от женской безысходности, годы идут, а счастья нет, ему, наверное, захотелось банального семейного уюта, осточертела холостяцкая жизнь, это мельтешение юбок, всё время с кем-то, а на самом деле всегда один.

Началось с того, что у него категорически не сложились отношения с сыном жены. На его взгляд, парень был откровенно глупый, но при этом вызывающе и тупо агрессивный. Педагогическими талантами он не обладал, поэтому раз послушал мальчишкину наглость, два послушал, а потом врезал затрещину, как в старые добрые времена, как когда-то его отец поставил его на место, за что вечная благодарность покойному.

Мальчишка сразу стух, а жена взвинтилась в истерике. Для него это было неожиданно, весь житейский опыт подсказывал, что нельзя попустительствовать выходкам подростка, оставшись с женой наедине, он попытался это объяснить, но увидел в её глазах стеклянную ненависть слепой материнской любви и заткнулся. «А мне это надо, – подумал он. – В этой квартире много чего есть, что меня раздражает, например, старый родительский шкаф в коридоре, я который год никак не выброшу его на свалку».

Рахим привёл ишака, нагруженного досками.

– Не надо на себе. Это Сизифов труд.

Он рассмеялся:

– Сизиф поднимал глыбу на вершину и сбрасывал вниз.

Я же скит строю.

– Всё равно не надо на своем горбу, – сказал Рахим. – Гвозди, молоток и топор в седельной сумке. В выходные сноха с внуком приедет, подменит меня в корчме, я поднимусь, помогу строить. Я – плотник неплохой.

– Спасибо! – сказал он. – От помощи не откажусь.

За световой день он сделал несколько ходок вверх-вниз, потом привязал послушного ослика к веранде корчмы, хозяин был занят обслуживанием задержавшихся на осмотре крепости туристов, и в сумерках пошёл к себе. На всякий случай в кармане лежал фонарик, но он не понадобился, глаза ловко выхватывали тропинку, она, эта тропинка, стала почти родной. Ночью поднялся сильный ветер с дождём и через сон он тревожно подумал, что пока строится домик, следует сделать навес над ванной для давки винограда. Куплю у Рахима кусок брезента, успокоился он, у него в хозяйстве наверняка имеется.

Утром он измерил температуру. Температура была в норме. Спальный мешок сох на солнышке, он вскипятил на костре воды и первый раз за долгое время побрился. Из зеркала на него посмотрело лицо сорокалетнего человека, у которого вообще-то всё неплохо, только глаза грустные. «Странно, – подумал он. – Я хорошо себя чувствую, у меня ничего не болит внутри. Плечи ломит, это понятно, я просто

не привык к физической работе». Он снова взглянул на себя в зеркальце, глаза как будто повеселели. Ну и славно, подумал он, я всегда замечал, что стороны я выгляжу несколько иначе, чем кажется мне самому.

До выходных он возил на ослике доски, а в субботу, поджидая Рахима, смастерил лестницу. Самый широкий лаз был ровно посередине платформы, высоко, метров пять, но справа от него спускался почти до земли каменный нарост, напоминавший древний гриб из учебника ботаники. Зимой выдолблю ступени, подумал он, зимой время медленно тянется, наверху перед лазом сделаю укреплённую площадку, вот тебе и вход к алтарю.

Он приставил лестницу к лазу и полез наверх. Лестница закрипела под весом, но выдержала. В пещере была могильная темнота. Он осветил фонариком стены. Трещинки разбежались в луче как причудливая мозаика. Лишайника нет, отметил он, значит сухо. Интересно, сколько здесь рукотворного, а сколько от природы. Он пошёл вперед, осторожно ощупывая ногой пол перед каждым шагом.

Так он двигался несколько минут. Пещера постепенно расширялась, воздух был настолько сухой, что в горле запершило. Кое-где по краям стояли резные деревянные столбы, служившие когда-то опорами. Он потрогал ладонью один из столбов, дерево истончилось от времени, но ещё сохраняло крепость. Вот ведь жили здесь, подумал он, прятались, молились, может быть, любили, а потом всё – тишина и прах.

Он зацепился ногой за препятствие и едва не выронил фонарик.

Он присел на корточки – перед ним лежал череп, небольшой по размеру, детский. Он осветил фонариком вокруг – рядом было ещё несколько черепов, взрослых, кости, ржавые окислившиеся ножи, напоминавшие турецкие ятаганы, несколько кусков ткани, вероятно, всё, что осталось от истлевшей одежды. На одном из кусков ткани покоилась книга, размером в два кирпича, в кожаном окладе, с железными скрепами.

Просто археологическая находка, подумал он. Подсвечивая фонариком, он изучил книгу. Она сохранилась неплохо, печатные листы выглядели неряшливо из-за прикосновений чьих-то жирных, грязных пальцев. Наверное, Тора, подумал он, или Талмуд, как там у них священные книги называются? Отдам Рахиму, попрошу, чтобы передал в музей, а кости надо похоронить, по-людски.

«Отец Никанор, ты где? Ты живой?» – услышал он голос издалека. Он спешно вернулся и выглянул из лаза.

На платформе стояли Рахим и подросток лет двенадцати. Нагруженный ослик отдыхал у кипы досок.

– Я сейчас, – сказал он, вернулся за книгой, взял её подмышку и осторожно спустился по лестнице.

– Я уже волноваться начал, – сказал Рахим. – Пришли, а никого нет, только костёр дымится.

– Изучал местные достопримечательности, – сказал он. –

Вот книгу старинную нашёл. Передашь археологам?

– Почему не передать, – сказал Рахим. – Съезжу в музей в Бахчисарай. Там и денег, наверное, заплатят.

– Деньги себе оставишь, – сказал он. – За труды!

– Ахмат, – Рахим сказал несколько слов по-татарски пареньку, с любопытством взиравшему на его рясу. Тот молча направился к ослику. – Племянник мой, охламон конкретный, мать не слушается, дерзит. Я его на трудовую терапию взял, не против?

– Не против, – сказал он. – Руки всегда сгодятся.

Сначала они с женой ругались, первый, наверное, год совместной жизни, может быть, полтора. Скандалили негромко, неудобно перед мальчишкой, и быстро, он замыкался в себе, уходил на кухню и втыкался в интернет, жена также хмуρο смотрела всё подряд по телеку. Причины, как обычно, были пустяковые, но оба хорошо понимали, что семейная жизнь не складывается, и парень просто первая преграда и не более того. Он несколько раз предлагал растаться, жена пускалась в плач, и на какое-то время наступала мирная эпоха. Он так до конца и не понял, зачем жене была нужна эта непутёвая семейная жизнь, неужели только из-за того, что у него просторная, трёхкомнатная квартира, доставшаяся в наследство от родителей, и жене от этой квартиры до работы полишага не торопясь, неужели так всё банально и примитивно.

Он, конечно, тоже был хорош, пристроился на всем го-

товеньком, рубашки постираны, поглажены, в хате чисто, носки на месте в комоде, а не пылятся под кроватью, как прежде. «Приспособленец! – так ему и сказала одна его бывшая клада, когда он после очередного скандала заявился без приглашения поплакаться в жилетку. – Все мужики – приспособленцы, женщина нужна на кухне и в койке иногда, чем дальше в лес, тем больше без восторга. А настроение понять, удивить, заморозить? Что, не дано? Всё на хоботок своей меряете?»

«Да я вроде не такой, – неуверенно отнекивался он. – Я вроде с пониманием, только не получается ничего».

«Ребятёночка вам надо родить, – сказала клада. – Нет детей, нет семьи».

«Да нельзя ей, – сказал он. – Первые роды были трудные, врачи ответственно заявили, большие рисковать нельзя».

«Ну, тогда лови гранату, милый мой рогацио, – сказала клада. – Ты, давай-ка, выматывайся, ко мне сейчас любовник должен прийти, он дяденька суровый, мне лишние проблемы ни к чему».

Работали до вечера. У Рахима руки росли из нужного места, в отличие от него. Крышу решили не делать, выступ скалы был куда надёжнее, соорудить три деревянных стены, на одной – небольшое оконце, вместо крыльца Ахмат притащил два валуна и монотонно обтачивал их, придавая квадратную форму.

Кукольный домик, прилепившийся к скале, но это лучше,

чем навес над ванной для давки винограда. «Буржуйку» мне из обители передадут, – сказал он. – На следующей неделе дровишки начну заготовливать. И кровать армейскую тоже передут, я её разберу и на ослике подниму, если не возражаете».

– Вы здесь один будете жить? – спросил Рахим.

– До весны один, – сказал он. – Весной настоятель придёт, алтарь освятим. Может, кого из насельников в послушание в скит назначит. Не знаю, у нас, как в армии, приказы не обсуждаются.

– Вам мясо разрешается кушать? – сказал Рахим.

– Разрешается, – сказал он. – Если не пост, но я предпочитаю кашу. От каши тело лёгкое.

– У кого как, – сказал Рахим. – После такой работы и поесть надо плотно. Жена бараний суп сварила, лагман называется, мы с собой принесли. И кухню маленькую полевую разборную, в авиации такие на Крайнем Севере применяются, разжигается быстро, тепло долго держит. Это подарок вам от села. Я мешок угля оставлю, потом ещё привезу.

– За подарок спасибо! – сказал он. – А за уголь сколько надо заплатить?

– Нисколько, – Рахим махнул рукой. – Я на зиму запасся, не обеднею. Если не возражаете, мы здесь переночуем, чтобы в темноте не спускаться. Ночи пока тёплые, мы спальные мешки захватили. А завтра утром поработаем.

– Оставайтесь, – сказал он. – Места всем хватит. Только

уговор – не курить. Здесь такой воздух дивный.

– Бросил я, – сказал Рахим. – Мучился, злился, но бросил. Пять лет не курю. А выпивать, выпиваю иногда. Вам как, можно?

– Для аппетита можно, – сказал он. – После трудов праведных...

Первый раз ему поплохело на работе, в автомобильном салоне. С утра побаливала голова, и как-то странно, будто молоточки стучат по переносице. Клиент попался нудный, ходил кругами вокруг машины, допытывался до мельчайших технических подробностей, и было неясно, то ли купит, то ли просто свою крутизну демонстрирует. «Скорей бы отвалил, – думал он. – Отпрошусь у шефа домой, что-то худо мне».

В конечном итоге, клиент пообещал навеститься завтра, он сдержанно попрощался, и только потом уже осознал, что сидит на полу, схватившись рукой за узел галстука, а девчонки с ресепшена суетятся вокруг него. Приступ схлынул, он доехал домой на такси, провалялся до вечера на диване, вечером чувствовал себя вполне нормально, и голова перестала болеть, утром вовсе подскочил огурцом и вскоре забыл о досадном происшествии.

В какой-то момент он неожиданно много стал есть. Неприятно неожиданно, потому что всегда отличался умеренностью в еде и возлияниях, наверное, поэтому был подтянутым и выглядел моложе своих паспортных лет. При

этом он совершенно не толстел, напротив, сбросил килограмм десять, что не на шутку насторожило его. «Не в коня корм!» – говорила жена, накладывая с горкой глубокую тарелку макарон по-флотски, и в интонации, с которой она произносила эту фразу, читалось всё сразу: удивление, подозрение, лёгкий испуг от непонимания происходящего, зависть неумолимо стареющей женщины, которая уже никогда не будет выглядеть на девятнадцать.

«Сходи к врачу, – предложила жена. – У тебя явно что-то не в порядке с обменом веществ».

– Пойду, – согласился он, но до врача так и не добрался, к врачам его привезли.

Был обеденный перерыв, он налопался в столовке почти до тошнотного ощущения, как всегда в последнее время, вышел покурить, собрался пококетничать с новой секретаршей шефа Викой и потерял сознание.

Домик, с помощью Рахима, он построил до первых заморозков. Домик стал некой границей между ним и дикой природой, но границей вполне прозрачной, дружелюбной. Домик был словно заколдованный круг, куда можно было отступить от порывов осеннего ветра, от холодного дождя, от неясных криков животных или птиц, которые иногда доносились до него. Но и всегда можно было выйти и слиться с безмолвным величием скал.

Теперь он занялся изучением караимских схронов. Один, самый высокий, метрах в двадцати от уровня платформы,

он решил оставить в покое, остальные облазил подробно и внимательно. Находил черепки от горшков, куски ткани, какую-то утварь, искаженную временем до непонятного назначения. Находки складывал в тряпицу и отдавал Рахиму с неизменной просьбой передать археологам.

Пещера для алтаря подходила больше, чем другие схроны. Рахим по-хозяйски обследовал столбы, служившие когда-то опорами, некоторые они подправили камнями, установили стремянку, привезённую на незаменимом ослике, и зацементировали в потолке те места, где могла пробиться вода.

– Вот так, наверное, первые церкви и выглядели, – сказал Рахим, одобрительно оценив проделанную работу. – Просто и надёжно, без прикрас.

– Возможно, – сказал он. – Я монах не очень образованный, только Библию и читал. Может так, а может иначе, христианство ведь в пустыне начиналось, не удивлюсь, если первые церкви обычными шатрами были.

– Поэтому Аллах разрешает в любом месте молиться, – сообщил Рахим. – Не важно где, важно о чём.

– Да, ну, – улыбнулся он. – Ты же атеист, Рахим. Старейше, авиатор, о вечном начал задумываться.

– Да ну, тебя, отец Никанор, – сказал Рахим. – Не даёшь старому солдату поумничать. Много свечей здесь потребуются, естественного освещения никакого. Дизель бы поставить, чтобы электричество было. В двадцать первом веке всё же живём.

– Свечей потребуется много, – сказал он. – Надеюсь, настоятель не поскупится. А дизель дорого стоит, и бензин для него нужен, лишнее это здесь, мирская суета, как говорится.

По воскресеньям приходил послушник из обители, приносил съестное и разные хозяйственные мелочи, которые он просил. Они сидели с послушником за столом, сколоченным из тех же рахимовских досок, и пили отвар из свежих, подморозившихся за ночь кизиловых ягод.

– Жутковато здесь, – сказал послушник. – Зверьё не беспокоит?

– Для зверья высокогато, – ответил он. – Лиса однажды забрела, настырная, любопытная. Постояла у бассейна с водой, позыркала на меня, верно, я у неё интереса не вызвал, махнула хвостом и подалась восвояси. В село, думаю, отправилась, там ей сподручнее.

– А туристы, – спросил послушник. – Отсюда до развалин византийской крепости минут сорок, если нужные тропки знаешь.

– Кто ж их знает, – сказал он. – А кто знает, тот по своим делам идёт. Гостей, во всяком случае, не было. Будут – приму.

– Отец настоятель спрашивал, не передать ли святых книг.

– Пока не нужно, – сказал он. – Пока в Библию погружён. В следующий раз возьми побольше сухой крапивы. Зима приближается, отвары буду делать.

– Крапивка ой как хороша, – обрадовался послушник по-

нятной теме. – И от душевных болезней лечит, и от ран телесных. В здешних местах много трав полезных растёт. Я в монастырской библиотеке книгу читал, старую, в позапрошлом веке написана, там рецепты отваров простые и толковые.

– Ты бы мне переписал, – попросил он. – И какие травы собирать, зарисуй. Займусь на досуге.

– Это я с удовольствием, – сказал послушник. – Я травное дело люблю.

– Вот и я травником становиться буду, – сказал он.

Послушник ушёл, он вернулся в домик, передохнуть. Разговоры с трудником² всегда утомляли его, значительно больше, чем таскание досок и лазанье по скале. Здесь, среди камней, в тишине осеннего дня, в основном хотелось молчать, а если говорить, то о чём-нибудь важном или практичном, и под спокойный шелест листвы эти два понятия сливались в одно. «Не требуй от людей невозможного, – произнёс он очевидную банальность. – Парнишка из бедной семьи, возможно, неблагополучной, может быть, детдомовец. Подался в монастырь в поисках лучшей доли, оперится и упорхнёт в большую жизнь. Всё у него будет нормально».

На кровати, под валиком из овечьей шерсти, служившем ему подушкой, лежала Библия. «Обещал ведь, что каждый день будешь читать», – он взял книгу, открыл наугад стра-

² Человек, временно поступающий в православный монастырь для исполнения обетов и работ, в дальнейшем не обязательно становится монахом.

ницу, прочитал несколько строк и положил Библию обратно под валик.

Читать ему не хотелось. Он сознавал, что это стыдно и отвратительно, что он монах безграмотный, что когда люди начнут приходить в скит и задавать вопросы, возможно, сложные, богословские, он будет выглядеть нелепо, бесполовым неучем. Но читать всё равно не хотелось. Образы Библии казались ему блеклыми по сравнению с волнами, которые шли от шершавых камней, по сравнению с головами некогда живших здесь людей, которые он слышал порой, ползая в полутёмках по караимским схронам. Это голоса не были дьявольским наваждением, во всяком случае, ему не хотелось верить, что это искус, хотя бы потому, что не было ни малейшей причины искушать его. Он сделал свой выбор и твёрдо следовал ему. Голоса и камни просто напоминали ему о чём-то, что трудно запомнить и нельзя забыть, что-то вечно неделимое, ускользающее в прозрачном воздухе гор, это приходило и возвращалось, он гладил ладонью шершавые камни и радовался как дитя.

«Завтра обязательно буду читать», – поклялся он, взял долото и пошёл рубить ступени к алтарю.

Он очнулся в больничной палате, в правой руке торчала игла капельницы, в грудной клетке сидел гномик и тяжело вздыхал. Один больной спал у окна, повернувшись к нему спиной. Другой, на койке напротив, в буром махровом халате, жевал бутерброд с колбасой и свежим огурцом. Три крова-

ти были аккуратно застелены.

«А всё кричат, что у нас больницы переполнены», – мелькнула насмешливая мысль.

– Где я? – спросил он жующего.

– Городская клиническая больница. Очухался, касатик?

Надо доктора позвать.

– Позови, – сказал он.

Доктор пришёл через полчаса, сердито попенял соседу («Просил же в палате не питаться, столовая для этого есть. Кругом крошки.» «Выздоравливаю, – радостно лыбился сосед. – Аппетит проснулся.»), присел на краешек его койки:

– Ну, как самочувствие, Михаил Сергеевич?

– Нормально, – сказал он. – Только в груди болит и слабость, будто мешки разгружал.

– Есть некоторая проблемка, – натужно сказал доктор. – На первый взгляд, пустяковая, но налицо резкое снижение иммунитета. Будем лечить.

– Что со мной, доктор? – спросил он.

– Сделаем анализы, томограмму, узи, рентген, оборудование у нас современное, тогда и поставим окончательный диагноз.

– Окончательным обычно бывает приговор, – пошутил он.

– Без паники, Михаил Сергеевич, – сказал доктор. – Я не наблюдаю пока ничего сверхъестественного, экология

плохая, погода пляшет как бешеная, люди и помоложе вас с такими болячками попадают, в жизни бы не подумал.

– Это надолго, доктор, – спросил он.

– Заболеть легко, вылечиться трудно, – сказал доктор, выходя. – Отдыхайте.

Через несколько дней его перевели в одноместную палату. «Странно, – подумал он. – Это ведь денег стоит». Накануне навестила жена, смотрела на него испуганной курицей и, наконец, решилась на вопрос: «Что говорят-то?»

– Ничего не говорят, анализы делают, – раздражённо ответил он. У него очень сильно болела голова и гномик в груди совсем распоясался, вёл себя как слон в посудной лавке, топтал ребра, вбирал в себя весь воздух и громко кашлял. Утром и вечером ему кололи обезболивающие, но толку от них было немного.

– Ничего не говорят, – повторил он. – Упадок сил.

– Удивительно, – сказала жена. – Ты так много ел в последнее время.

– А сейчас аппетита совсем нет, – сказал он. – Ладно, ты иди, устал я.

По ночам ему казалось, что ураган сметает внутри него все кости, он просыпался мокрый от пота и начинал кричать. Прибегал дежурный врач, ему вкалывали морфий, он забывался до следующего урагана.

Рахим обычно приходил в субботу. Вместе они делали несложную хозяйственную работу и вели неспешные бе-

седы. Рахим, как человек, в принципе, немногословный, умел формулировать свои мысли просто и точно, отбрасывая лишние словеса изящества, и это его качество очень ему нравилось. Хорошо было и то, что они могли подолгу молчать, занимаясь каким-нибудь делом. Без дела они не сидели никогда.

– Всё собираюсь тебя спросить, отец Никанор, – сказал однажды Рахим, – но как-то неудобно. Тебе ведь лет сорок?

– Сорок два, – сказал он.

– А в монахах давно?

– Год, – сказал он.

– Понятно, – сказал Рахим. – А жена? Дети есть?

– Детей нет, – сказал он. – Жена была, но сплыла. Я ведь в монахи не собирался, просто так получилось.

– А у меня пятеро детей и пятеро внуков, – сказал Рахим. – Медаль можно получать.

– Плодитесь и размножайтесь, – рассмеялся он. – Трудно такую ораву было поднимать?

– Ужас! – сказал Рахим. – Как вспомню, так вздрогну. Я в Сафоново долго служил, заштатный гарнизон под Мурманском, домой прихожу после работы, комнатуха крохотная в офицерском общежитии, старший на голове стоит – йогу изучает, младшие из какой-то ерунды на полу возьтятся, дочка по компьютеру кино смотрит и по телефону говорит одновременно, а жена посреди этого бедлама с грудничком на руках чуть не плачет. Но ничего – подняли ораву, весело было,

дружно.

– А сейчас как? – спросил он.

– И сейчас нормально, – сказал Рахим. – Старший в Симферополе в аэропорту диспетчером работает. Дочка замуж за турка вышла, в Анкаре живут. Младшие по моим стопам пошли, в России, один в армейской авиации, второй на флоте. А самый младший ещё в школе.

– Собираетесь? – спросил он.

– Собираемся, – сказал Рахим. – Редко, конечно, обычно в конце августа. Следующим летом всей большой семьей в гости придём.

По утрам уже было пронзительно холодно, но он не ленился, раздевался донага, бежал босиком по обжигающим каменным плитам, прыгал в бассейн с дождевой водой и стремглав мчался обратно, в домик, нагретый печкой, вытираться насухо. Первое время он честно мерял температуру, температура была в норме, гномик в груди не подавал признаков жизни, он успокоился и больше не спрашивал себя ни о чём.

Брился он каждый день, хотя канон этого не требовал, канон, напротив, настаивал на бороде, он спокойно отверг канон, справедливо полагая, что ежедневное бритье дисциплинирует, а про бороду можно объяснить, что плохо растёт, тем более что она действительно толком и не росла.

Он варил себе кашу, на обед похлёбку из фасоли или гороха, вечером довольствовал хлебом с травяным отваром, если хлеб заканчивался до воскресного прихода послушни-

ка, обыкновенными сухарями. Брал долото и рубил ступени к месту будущего алтаря, потом колот дрова для печки, потом приносил в ведре воду, чтобы умыться и готовить пищу. Изредка он спускался по тропинке в село, купить спичек или мыла. Происходящее в мире совсем не интересовало его, но и не вызывало отторжения, поэтому когда Рахим по субботам рассказывал о главных событиях, он обычно слушал внимательно, но никак не комментировал. Эта монотонность и однообразие жизни, так не похожие на всю его предыдущую жизнь, невероятным образом радовали его, может быть, потому, что впереди была цель – конкретная и ясная. Весной надо установить алтарь, к алтарю надо прорубить ступени, чтобы люди могли подняться и молиться. Иногда возникал законный вопрос, зачем людям нужно подниматься к алтарю, алтарей достаточно в этом мире, и если очень захотеть, можно обходиться без алтарей вовсе. Он искал ответ на этот вопрос в Библии, Библия отвечала уклончиво, голоса и камни тоже не спешили делиться тайной, в конце концов, он понял простую вещь: делай, что должно и будь что будет, оставь измышления для сведущих людей. Вечером, если не буйствовал ветер, он разводил костёр и гладил ладонью шершавые камни. Ему было хорошо.

Ему стало как будто лучше и он тут же поверил, что выздоравливает. Он поднялся с койки, отодвинул ногой опостылевшую «утку» и сходил по нужде в туалет в дальнем конце коридора. Медсестры, обычно сидевшей за столом

у входа в отделение, не было на месте, он положил в кармашек пижамы пачку сигарет, принесенную женой по его просьбе, нераскрытую, потому что боли в груди, терзавшие его, убивали саму мысль о курении, и отправился на лестничную клетку. Он затянулся, с непривычки в висках зашумело, но не закашлялся, и это его тоже страшно обрадовало.

С площадки нижнего этажа он услышал два голоса – доктора и его жены.

– Да какое там, – произнёс доктор. – Т-4, последняя стадия рака желудка, метастазы начались. Я понимаю, что печально, но сделать ничего нельзя – месяцы, максимум два, если сердце крепкое. Раньше нужно было обращаться.

– Но мы же не знали, – сказала жена, и он вдруг понял, что ей абсолютно всё равно, что с ним станет.

– Я понимаю, – сказал доктор. – На ранних стадиях симптоматика диагностируется плохо, часто вообще никак не проявляется. Но что об этом, вы – молодая, красивая женщина, у вас вся жизнь впереди, считайте, что это перевернутая страница.

Он вдруг ясно, в мельчайших подробностях, будто стоит рядом словно невидимка, увидел, как рука доктора покоится на бедре его жены, а жена смотрит в глаза доктора и улыбается в ответ.

– Но не здесь же, – сказала жена. – Вдруг кто-нибудь пойдёт по лестнице.

– Приходи в восемь вечера ко мне в кабинет, – сказал доктор. – Никого не будет, больные спят по нормам, коньячка выпьем. Я подготовил бумаги, постараюсь спровадить его в онкологический центр в Москву. Да и нам лучше для статистики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.